

Владимир Короленко

Птицы небесные

Владимир Галактионович Короленко

Птицы небесные

«...В этот день монастырщина праздновала встречу иконы. Долго, месяца два уже странствовала «владычица» по разным местам, и теперь возвращалась домой.

Первыми приехали на троечных тарантасах, с колокольцами и бубенцами, сопровождавшие ее отцы, привезшие в монастырь собранную за время странствий казну. Вид у них был здоровый, сытый и довольный. Потом из лесу повалили пестрые кучи передовых богомольцев, все гуще и гуще, пока наконец не сверкнул над головами золоченый оклад иконы, переливаясь на солнце...»

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0023
III.....	.0032
IV.....	.0043
V.....	.0054
VI.....	.0065
VII.....	.0071
VIII.....	.0074
IX.....	.0079
X.....	.0082
Примечания.....	.0086

**Владимир Галактионович
Короленко
Птицы небесные**

... **В** этот день монастырщина праздновала встречу иконы. Долго, месяца два уже странствовала «владычица» по разным местам, и теперь возвращалась домой.

Первыми приехали на троечных тарантасах, с колокольцами и бубенцами, сопровождавшие ее отцы, привезшие в монастырь собранную за время странствий казну. Вид у них был здоровый, сытый и довольный. Потом из лесу повалили пестрые кучи передовых богомольцев, все гуще и гуще, пока наконец не сверкнул над головами золоченый оклад иконы, переливаясь на солнце.

Звенели колокола, блестели и колыхались хоругви, пение хора и топот тысячной толпы, точно прибывающая река, заполнили тихую монастырскую слободку.

Монастырщина ожила. В церкви пели молебны, на площади выкрикивали под холщовыми навесами торговцы и торговки, из «заведения» слышались звуки гармоники и бубна, в избах слободки одна партия богомольцев сменяла другую за столами, на которых

пыхтели огромные самовары.

Перед вечером вдруг пошел густой дождь, разогнавший с базара и толпу, и торговцев. На площади и на улицах стало тихо, только частые крупные капли плескались в лужах, да ветер метался и хлопал промокшими навесами, да из церкви слышалось стройное пение, а в глубине храма мелькали желтые огоньки свечей.

Когда туча вдруг снялась и поплыла на восток, волоча за собой над полями и над лесом изорванную пелену туманов, – на западе выглянуло солнце и ласково тронуло своими последними лучами окна слободки и кресты монастыря. Но оживление уже не вернулось на базарную площадь: богомольцы внесли за собой тихую жажду отдыха после трудного пути, и день угасал, вместе с последними нотами отходящей церковной службы. Даже бубен за стеной «заведения» громыхал изнеможенно и глухо.

Служба кончилась. В глубине храма свечи гасли одна за другой. Богомольцы расходились. У монастырского странноприимного дома стояли кучки странников и богомолков,

ожидавших, пока отец-гостиник разрешит вход просящим ночлега. На крыльцо вышел толстый монах и два послушника и принялись отделять овец от козлиц. Овцы входили в дверь, козлица изгонялись и, ворча, выходили в ворота. Когда эта процедура закончилась, у входа осталась кучка мордовок и фигура странника. По-видимому, их участь еще решалась отцом-гостиником, который ушел внутрь здания.

Через минуту вышли послушники и, сосчитав мордовок, пустили их в женское отделение. К одинокому страннику подошел старший послушник и, поклонившись, сказал:

– Прости, христа-ради, брат Варсонофий... Отец-гостиник не благословляет тебе остаться... Иди с миром.

По лицу молодого странника прошла болезненная улыбка, поразившая меня каким-то особенным драматизмом и значительностью. Лицо у него было тоже замечательное: очень горбоносое, худое, с горящими большими глазами. Острый шлык и чуть заметная заостренная бородка придавали этому лицу что-то необыкновенно характерное. Вся

сухая фигура в старом подряснике, с тонкой шеей и выдающимся профилем, обращала невольное внимание. Впечатление было резкое, тревожащее и беспокоящее.

Выслушав слова послушника, странник поклонился и сказал:

– Бог спасет и на том...

Он повернулся, чтобы уйти, и вдруг пошатнулся. Видно было, что он болен и смертельно устал. Добродушный послушник посмотрел ему вслед и заколебался.

– Пстой мало, брат Варсонофий... Схожу еще.

Странник облокотился на палку и застыл в ожидании. Но через минуту послушник опять вышел из двери и, смущенно подойдя к нему, – сказал с видимым сожаленьем:

– Нет, не благословляет... Отец Нифонт донес ему, якобы тут странник один... вроде тебя... глаголет неподобная... смущает народ.

В лице странника мелькнуло что-то... Глаза его блеснули, как будто он хотел возразить, но потом поклонился и сказал:

– Благодарствуйте, отцы...

И он устало побрел со двора.

Послушник вопросительно посмотрел на меня. Я понял, что он собирается закрывать ворота, и тоже вышел на передний двор. Здесь было уже пусто. Молодой продавец монастырских калачей стоял за ларем, к которому никто не подходил.

Вратарь закрыл за мною одну воротину, потом, тяжело упираясь ногами, стал закрывать и другую. В это время за воротами слышалась возня, затоптались несколько пар ног, щель опять раздвинулась, и в ней показалась невзрачная фигура в странницком костюме, рыжем и полинявшем. Ее невольными движениями управляла дюжая рука, державшая ее за шиворот. Крепкий толчок... Странник отлетел на несколько шагов и упал, а за ним вдогонку полетела котомка, потом другая... Небольшая книжечка в истрепанном кожаном переплете шлепнулась в грязь, шлепая по ветру листьями.

– Вот эдак... – сказал за воротами жирный бас. – Не озоруйте...

– А что? – спросил голос вратаря.

– Как же, – ответил бас... – Из-за него вот отец-гостиник согрешил... человека прогнал...

И человек-то хороший. Ох-хо... истинно гре-
хи...

И говоривший удалился. Отец вратарь со-
мкнул ворота, но не вполне: в щелку любо-
пытно выглянули его маленькие глазки, тол-
стый нос и светлые усы. Он с видимым инте-
ресом следил за дальнейшими намерениями
извергнутого странника.

Последний успел подняться, взял котомки,
вскинул их одну на спину, другую через пле-
чо и потом, подняв книгу, старательно стал
очищать ее от грязи. Кинув быстрый взгляд
по двору, он заметил меня и калашника. Из-
за наружных ворот, с площади, маленькое
происшествие наблюдала кучка мужиков.
Как будто сообразив что-то, странник приоса-
нился, с демонстративным благоговением по-
целовал переплет книги и отвесил саркасти-
ческий поклон по направлению к внутрен-
ним воротам...

– Спасибо, отцы святые... Яко странного мя
приясте, и алчущего накормисте...

И вдруг, заметив в щели ворот усы и нос
вратаря, он сказал другим тоном:

– Что смотришь? Или признал?

– Что-то будто... того... признавательно, – сказал привратник.

– Как же, как же!.. Приятели! К свиридовским мордовкам вместе бегали... Узнал теперь?..

Привратник громко и с негодованием плюнул, сдвинул ворота и задвинул засов. Но ноги его в грубых сапогах еще некоторое время виднелись из-под ворот...

– Феньку вспоминаешь ли, отче?..

Ноги стыдливо скрылись...

Странник поправил грязную мурмолку и опять оглянулся. Привлеченные пикантным разговором человек шесть мужиков вошли в ворота. Это были ближайшие соседи монастыря, старообрядцы из ближних деревень, толкавшиеся по базару с видом равнодушно-го, пожалуй, несколько враждебного любопытства. Монастырь, далеко простирающий свое влияние, вблизи охвачен, точно кольцом, «самым злющим», по выражению монахов, расколом. Среди окрестных жителей сложилась определенная легенда, что в самом недалеком будущем монастырю грозит участь Содома и Гоморры... Но пока мона-

стырь живет и привлекает в свои праздники тысячные толпы народа. В такие дни фигуры соседей-старообрядцев как-то угрюмо выделяются в ликующей толпе, и на их лицах виднеется отчужденность и досада. Подобно пророку Ионе, они ропщут, что господь медлит совершить предреченную судьбу обреченной Ниневии.[1]

Теперь они с злорадным любопытством смотрели на сцену у ворот обителя нечестивых.

– Что? Видно не пуцают... – сказал один насмешливо. – Самим тесно... с мордовками-то...

Странник повернулся и кинул на говорящего острый взгляд. Но вдруг лицо его приняло смиренное выражение, и, опять повернувшись к воротам, он трижды истово и широко перекрестился.

Мужики переглянулись с недоумением: странник крестился не шепотью, а старым двухперстным крестом.

– Господь, видящий всяческая, да воздаст мнихам по милосердию их, – сказал он со вздохом. – Мы же, братие, отряси прах от

ног своих, послушаем здесь, во храме нерукозданном (он указал красивым и спокойным движением на вечернее небо), поучительного слова о покаянии...

Мужики сомкнулись; на их лицах виднелось радостное и отчасти недоверчивое недоумение. Обращение было слишком уже неожиданно... Мысль устроить на чуждом празднике свое собеседование и у самых ворот монастыря послушать странствующего проповедника, знаменующегося старым крестом, видимо, нравилась людям старой веры. Проповедник стоял у подножия колокольни. Ветер шевелил его запыленные светлые волосы.

Это был человек неопределенного возраста, но, очевидно, еще не старый. На лице у него лежал сильный загар, а волосы и глаза как будто выцвели от солнца и непогоды.

При каждом даже незначительном движении головы на шее у него резко выступали и шевелились сухожилия. Невольно чуялось в этом человеке что-то несчастное, чутко настроенное и, пожалуй, злое.

Он стал громко читать свою книгу. Читал

хорошо, просто, убедительно и, по временам останавливаясь, вставлял собственные комментарии. Однажды он быстро взглянул на меня, но тотчас же отвел глаза. Казалось, мое присутствие было ему неприятно. После этого он обращался больше к одному из слушателей.

Это был широкоплечий приземистый мужик с фигурой, точно вырубленной двумя-тремя ударами топора. Несмотря на эту топорность фигуры, он оказался чрезвычайно экспансивным. За каждым словом проповедника он следил с увлечением и снабжал их собственными репликами, в которых неизменно звучала какая-то почти детская радость.

– Ах, братия... милые мои, – говорил он, оглядываясь. – Ах, премудро это насчет покаяния... Стало быть, выходит лествица?.. Вот-вот... А мы грешные по ей... с приступочки да на приступочку?.. Так, так...

– И все, значит, кверху да кверху... – пробасил другой.

– Верно... Глядишь, и того... А?..

И он сияющими глазами окидывал собра-

ние...

Однако его шумное вмешательство и его радость, по-видимому, не понравились проповеднику. Он вдруг остановился, слегка повернул голову, и сухожилия на его шее заходили, как веревки... Он как будто хотел сказать что-то, но сдержался и перевернул страницу.

Оказалось, что слушатели возрадовались преждевременно. В то самое время, когда они находятся на вершине ликования, – гордыня и излишнее упование отягчают лестницу. Она трещит, на лицах слушателей отражается испуг, лестница подламывается...

– Тепериче кончено! – говорит басистый мужик мрачно.

– Теперича ау, брат! – подхватывает первый. И странное дело: он опять оглядывает всех сияющими глазами, а в его голосе слышится та же радость... – Теперича нет нам ходу... И на первую приступочку не пустют.

Странник закрывает книгу и несколько секунд смотрит на говорящего упорным взглядом. Но мужик встречает этот взгляд с тем же радостным и доверчивым благодушием.

– Вы так... полагаете? – спрашивает проповедник.

– Полагаем, – отвечает спрошенный. – Сам посуди, милый человек... До коих же пор терпеть на нас?..

– Вы так полагаете? – опять говорит проповедник с натиском, и в голосе его звучит что-то, вызывающее на лице спрошенного признаки беспокойства...

– То есть полагаете предел долготерпению всевышнего. А известно ли вам, братие, что есть православная католическая церковь...

Он перевертывает несколько страниц и начинает читать о духовном могуществе православной церкви. Лица слушателей темнеют. Проповедник останавливается и говорит:

– Православная католическая церковь... Не она ли сия спасительная лестница?.. Кто прибегает к ней – не может отчаяться. А вот... ежели...

На несколько секунд водворяется напряженное молчание. Странник стоит против кучки мужиков, и чувствует, что он держит в своих руках их настроение. Еще недавно они радостно следовали за ним, и не трудно

было предвидеть последствия проповеди: люди старой веры готовы были пригласить к себе монастырского изгнанника. Теперь они смущены и не знают, что думать...

– А вот ежели, – продолжал странник, отчеканивая слова, – кто отвержеся единой матери церкви... кто полагает спастись в подпольях, с крысами... кто упоает на стриженные гуменца...

Басистый мужик резко повернулся и пошел прочь... Его благодушный сотоварищ оглянулся с видом разочарованности и недоумения и кинул тоном полувопроса:

– Оканфузил?.. Ишь ты... Ай-ай-ай...

И последовал за другими. Раскольники угрюмо направились к воротам. Странник, остался один. Его фигура резко выделялась на фоне колокольни, и в выцветших, когда-то синих глазах стояло странное выражение. По-видимому, он думал своей проповедью обеспечить себе ночлег, в котором ему отказали монахи. Почему же он вдруг изменил тон?..

Теперь во дворе нас было только трое: странник, я и молодой парень под калашным навесом. Странник кинул быстрый взгляд в

мою сторону, но тотчас отвернулся и подошел к калашнику. Лицо молодого парня сияло от удовольствия.

– А ловко ты их, – сказал он... – Уж именно что оканфузил. Вишь, – у всех на макушках-те гуменца выстрижены... Черти горох молотили. Хо-хо-хо!

Парень залился веселым молодым смехом и принялся убирать с прилавка товар внутрь ларя.

Окончив это, он закрыл раздвижные дверцы и запер их на замок. Ларь был устроен удобно, в расчете на передвижение, – на колесиках и с нижним помещением. Парень, очевидно, намеревался ночевать тут же, у хозяйского добра...

– Одначе пора и на покой, – сказал он, поглядев на небо.

На дворе и за воротами, было тихо и пусто. На базаре тоже убирались с товаром. Парень покрестился на церковь и, открыв немного дверку, полез под ларь.

Вскоре оттуда показались его руки. Он старался изнутри приладить небольшую заслонку к отверстию.

Странник тоже оглянулся на небо, подумал несколько секунд и решительно подошел к ларю.

– Пстой, Михайло! Я тебе, добрый человек, помогу.

Белец убрал руки и выглянул снизу вверх из своего убежища.

– Антон я, – сказал он простодушно.

– Ну, Антоша, давай помогу тебе.

– Ин помоги, спасибо скажу. Вишь, отседа трудно.

Простодушное лицо Антона скрылось.

– Убери-ко-сь ноги-то маленько.

Антон исполнил и это распоряжение. Тогда странник спокойно отставил дверку, проворно наклонился, и я с удивлением увидел, как он быстро юркнул в отверстие. Началась возня: Антон двинул ногами, и часть страннической фигуры показалась было на мгновение наружи, но тотчас же втянулась опять.

Заинтересованный этим неожиданным оборотом, я почти инстинктивно подошел к ларю.

– А я закричу, пра, закричу, – услышал я оттуда гнусаво-жалобный голос Антона. – Вот

ужо отцы опять наладут тебе в загорбок!

– А ты не кричи, Миша, зачем кричать? – убеждал странник.

– Какой я тебе Миша... говорю, меня Антоном кстили...

– В монашестве наречен будешь Михаилом. Помяни тогда мое слово... Тс-с-с! Тише, Антоша, помолчи-ко-сь.

В ларе водворилось молчание.

– Чего? – спросил Антон. – Чего слушаешь?

– Слышь, стучит... Дождик ведь.

– Ну так что?.. Стучит... Закричать вот, – отцы тебе лучше того настучают.

– Ну, что ты все заладил одно: закричу да закричу. А ты лучше не кричи. Что я тебя съем, что ли? Я вот тебе еще про монашку сказку хорошую расскажу...

– Скрадешь, смотри, чего-нибудь.

– Грех тебе, Антоша, на странного человека клепать. Один-то калач и сам дашь. Не ел нынче, – веришь ты богу...

– На вот, кусай черствый... Сам не съел... – И Антон зевнул с таким аппетитом, что всякая мысль о дальнейшем противодействии устранилась.

– А и ловко ты их, кулугуров-то, оканфузил, – добавил он, доканчивая аппетитный зевок. – Уж это именно, что обличил.

– А отцов?

– Отцы на тебя плевать хотели... Обещал сказку сказать... Что ж не сказываешь?

– В некотором царстве, в некотором государстве, – начал странник, – в монастыре за каменной стеной жила-проживала, братец ты мой Антошенька, монашка... Уж такая проживала монашка-а, охо-хо-о-о...

– Ну...

– Ну, жила-проживала, сохла-горевала...

Молчание...

– Ну?.. Сказывай, что ли.

Опять молчание.

– Ну! Да ты что же? О ком горевала-то?.. – приставал заинтересованный Антон.

– Ступай ты ко псу, что пристал! Что я тебе за сказочник дался! Чай, за день-то я тридцать верст отмахал. Об тебе, дураке, и горевала, вот о ком. Не мешай спать!

Антон испустил какой-то звук, выразивший крайнее изумление.

– Н-ну, и жох ты, посмотрю я на тебя, – ска-

зал он с упреком.

– Право, лукавый, – слышалось еще через минуту тише и как-то печально... – Н-ну-у, лукавец... Эдакого лукавца я и не видывал...

В ларе все смолкло. Дождь все чаще стучал по наклонной крышке, земля почернела, лужи исчезали в темноте; монастырский сад шептал что-то, а здания за стеной беззащитно стояли под дождем, который журчал, стекая по водосточным трубам. Сторож за оградой стучал в промокшую трещотку.

На следующий день я с Андреем Ивановичем, товарищем многих моих путешествий, вышли в обратный путь. Шли мы не без приключений, ночевали в селе и оттуда опять тронулись не рано. Дорога совсем уже опустела от богомольцев, и трудно было представить себе, что по ней так еще недавно двигались толпы народа. Деревни имели буднич- ный вид, в полях изредка белели фигуры работающих. В воздухе было душно и знойно.

Мой спутник, человек длинный, сухопа- рый и нервный, был сегодня нарочито мра- чен и раздражителен. Это случалось с ним нередко под конец наших общих экскурсий. Но сегодня он был особенно не в духе и вы- сказывал недовольство мною лично.

После полудня, в жару, мы уже совершен- но надоели друг другу. Андрей Иванович по- чему-то считал нужным отдыхать без всякой причины в самых, неудобных местах или, на- оборот, желал непременно идти дальше, ко- гда я предлагал отдохнуть.

Так мы достигли мостика. Небольшая реч-

ка тихо струилась среди сырой зелени, шевеля по поверхности головками кувшинок. Речка вытекала изгибом и терялась за выступом берега, среди волнующихся нив.

– Отдохнем, – сказал я.

– Идти надо, – ответил Андрей Иванович.

Я сел на перила и закурил, а долговязая фигура Андрея Ивановича пронеслась дальше. Он поднялся на холмик и исчез.

Я наклонился к речке и задумался, считая себя совершенно одиноким, как вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд и увидел на холме, под группюю березок двух человек. Лицо одного показалось мне совсем маленьким, почти детским. Оно тотчас же стыдливо скрылось за гребнем холмика, в траве. Другой был вчерашний проповедник. Лежа на земле, он спокойно смотрел на меня своими беззастенчивыми серыми глазами.

– Пожалуйста к нам, веселей вместе, – сказал он просто.

Я поднялся и с удивлением усмотрел ноги Андрея Ивановича из-за хлебов у дороги; он сидел невдалеке на меже, и дым его цыгарки поднимался над колосьями. Сделав вид, что

не заметил его, я подошел к странникам.

Тот, которого я принял за ребенка, – представлял из себя маленькое, тщедушное существо в полосатой ряске, с жидкими косицами около узкого желтого лица, с вытянувшимся по-птичьему носом. Он все запахивал свою хламиду, беспокоился, ерзал на месте и, видимо, стыдился собственного существования.

– Садитесь, гости будете, – предложил мне проповедник, слегка подвигаясь; но в это время долговязая фигура Андрея Ивановича, как тень Банко,[2] поднялась над хлебами.

– Идем, что ли! – произнес он не особенно ласково, далеко швыряя окурок.

– Я посижу, – ответил я.

– С дармоедами, видно, веселее... – И Андрей Иванович кинул на меня взгляд, полный горечи, как будто желая вложить в мою душу сознание неуместности моего предпочтения.

– Веселее, – ответил я.

– Ну, и наплевать. Счастливо оставаться в хорошей канпании.

Он нахлобучил шапку и широко шагнул вперед, но, пройдя немного, остановился и,

обернувшись, сказал с негодованием:

– Не зовите никогда! Подлый человек – не пойду с вами больше. И не смейте звать! Отказываю.

– Звать или не звать – это дело мое... а идти или не идти – ваше.

– Сурьезный господин! – мотнул странник головой в сторону удаляющегося.

– Не одобряют нас, – как-то горестно не то вздохнул, не то пискнул маленький человек.

– Не за что и одобрять, пожалуй, – равнодушно заметил проповедник и обратился ко мне:

– Нет ли папиросочки, господин?

– Пожалуйста.

Я протянул ему портсигар. Он взял оттуда две папироски, одну закурил, а другую положил рядом. Маленький странник, истолковал, это обстоятельство в смысле благоприятном для себя и не совсем решительно потянулся за свободной папироской. Но проповедник совершенно спокойно убрал папиросу у него из-под руки и переложил ее на другую сторону. Маленький человечек сконфузился,

опять что-то стыдливо, пискнул и запахнулся халатом.

Я подал ему другую папироску. Это сконфузило его еще более, – его худые прозрачные пальцы дрожали; он грустно и застенчиво улыбнулся.

– Не умею просить-с... – сказал он стыдливо. – Автономов и то меня началит, началит... Не могу-с...

– Кто это Автономов? – спросил я.

– Я это – Геннадий Автономов, – сказал проповедник, строго глядя на маленького со товарища. Тот потупился под его взглядом и низко опустил желтое лицо. Жидкие косицы свесились и вздрагивали.

– По обещанию здоровья ходили, или так? – спросил у меня Автономов.

– Так, из любопытства... А вы куда путешествуете?

Он посмотрел в пространство и ответил:

– В Париж и поближе, в Италию и далее... – И, заметив мое недоумение, прибавил:

– Избаловался... шатаюсь беспутно, куда глаза глядят. Одиннадцать лет...

Он сказал с оттенком грусти, тихо выпус-

кая табачный дым и следя глазами, как синие струйки таяли в воздухе. В лице его мелькнуло что-то новое, незамеченное мною прежде.

– Испорченная жизнь, синьор! Загубленное существование, достойное лучшей участи.

Грустная черта исчезла, и он dokonчил высокопарно, поводя в воздухе папиросой:

– И однако, милостивый государь, странник не согласится променять свою свободу на роскошные палаты.

В это время какая-то смелая маленькая пташка, пролетев над нашими головами, точно брошенный комок земли, уселась на нижней ветке березы и принялась чиликать, не обращая ни малейшего внимания на наше присутствие. Лицо маленького странника приподнялось и замерло в смешном умилении. Он шевелил в такт своими тонкими губами и при удачном окончании какого-нибудь колена поглядывал на нас торжествующими, смеющимися и слезящимися глазами.

– Ах, боже ты мой! – сказал он наконец, когда пташка, окончив песню, вспорхнула и улетела дальше. – Творение божие. Воспела,

сколько ей было надо, воздала хвалу и улети-
ла восвояси. Ах ты, миляга!.. Ей-богу, право.

Он радостно посмотрел на нас, потом скон-
фузился, смолк и запахнул ряску, а Автоно-
мов сделал опять жест рукой и прибавил в
поучительном тоне:

– Воззрите на птицы небесные. И мы, син-
ьор, те же птицы. Не сеем, не жнем и в жит-
ницы не собираем...

– Вы учились в семинарии? – спросил я.

– Учился. А, впрочем, об этом, синьор, мно-
го говорить, а мало, как говорится, слушать.
Между тем, что-то, как видится, затягивает го-
ризонт облаками. Ну, Иван Иванович, вста-
вай, товарищ, подымайся! Жребий странни-
ка – путь-дорога, а не отдохновение. Позволь-
те пожелать всякого благополучия.

Он кивнул головой и быстро пошел по до-
роге. Шагал он размашисто и ровно, упираясь
длинным посохом и откидывая его с каждым
шагом назад. Ветер развевал полы его рясы,
спина с котомкой выгнулась, бородка клином
торчала вперед. Казалось, вся эта обожжен-
ная солнцем, высушенная и обветренная фи-
гура создана для бедного русского простора с

темными деревушками вдали и задумчиво набирающимися на небе тучами.

– Ученый! – грустно махнул головой Иван Иванович, подвязывая дрожащими руками котомку. – Умнейшая голова! Но между тем пропадает ничтожным образом, как и я же. На одной степени... Мы и странники-то с ним, господи прости, самые последние...

– Почему это?

– Помилуйте! Как же можно. Настоящий странник – у него котомка хорошая, подрясничек или кафтан, сапоги, например... одним словом – окопировка наблюдается во всяком, позвольте сказать, сословии. А мы! Чай, уж видите сами. Иду иду, Геннадий Сергеич, иду-с. Сию минуту!

Маленький человечек вскоре догнал на дороге своего товарища. Думая, что у них были свои причины не приглашать меня с собой, я посидел еще на холме, глядя, как из-за леса тихо, задумчиво и незаметно, точно крадучись, раскидывалась по небу темная и тяжелая туча, и затем поплелся один, с сожалением вспоминая об Андрее Ивановиче.

Было тихо, грустно. Колосья колыхались и

сухо шуршали... Где-то очень далеко за лесами ворчал гром и по временам пролетала в воздухе крупная капля дождя.

Но угрозы были напрасны. Под вечер я подходил уже к деревне К., а дождя все еще не было, только туча все так же тихо надвигалась, нависала и ползла дальше, уменьшая дневной свет, и гром погромыхивал ближе.

К моему изумлению, на завалинке одной из крайних изб деревни я увидел Андрея Ивановича. Он сидел, протянув длинные ноги чуть не до середины улицы, и при моем приближении придал своему лицу выражение величавого пренебрежения.

– Что вы тут делаете, Андрей Иваныч?

– Чай пил. Думаете, вас дожидался? Не воображайте. Пройдет туча – отправлюсь дальше.

– И отлично.

– А хваленые-то ваши...

– Кто это мои хваленые?..

– Странники-то, божьи люди... Полюбуйтесь, чего делают вон в соседней избе! Нет, вы посмотрите, ничего, не стыдитесь, пожалуйста... ста...

Я подошел к окну. Изба была полна. Мужики из этого села в это время все на промыслах, поэтому тут было одно женское население. Несколько молодых и девушек прошмыгнули еще мимо меня. Окна были открыты и освещены, и из них слышался ровный голос

Автономова. Он поучал раскольников.

– Пожалуйте к нам, – услышал я вдруг тихий голос Ивана Ивановича. Он стоял в темном углу у ворот.

– Что вы тут делаете?

– Народ обманывают. Чего делают, – резко отозвался Андрей Иванович.

Маленький странник закашлялся и, покусившись на Андрея Ивановича, сказал:

– Что делать-с, господин...

Он наклонился ко мне и зашептал:

– Раскольницы-бабы Геннадия Сергеича за попа считают, за беглого. Темнота-с. Что делать-с... Может, не взыщется. А между прочим, нечего делать-с. Не войдете ли?

– Войдемте, Андрей Иванович.

– Чего я там не видал? – ответил он, отворачиваясь. – Идите – целуйтесь с ними. А я об себе так понимаю, что мне и быть-то там не для чего, потому что на мне крест.

– Чай и мы не без крестов, – с тихим укором сказал Иван Иванович.

Андрей Иванович презрительно свистнул и вдруг, сделав очень серьезное лицо, подзвал меня.

– Сонму нечестивую знаете?

И, загадочно посмотрев на меня, он добавил тише:

– Поняли?

– Нет, не понял. До свидания. Хотите, – дождитесь.

– Нечего нам дожидаться. Которые люди не понимают...

Я уже не слышал конца фразы, потому что входил вместе с Иваном Ивановичем в избу.

При нашем входе произошло легкое движение. Проповедник заметил меня и остановился.

– А! Милости просим, – сказал он, раздвигая баб. – Пожалуйте. Не чайку ли захотели испить? Здесь самоварчик найдется, даром что раскольничья деревня.

– Я вам помешал?

– Какая помеха. Хозяйка, ну-ко самоварчик! Живее!

– А ты нешто потребляешь чайную травку? – спросила стоявшая впереди полногрудая молодка с бойкими, черными, как уголь, глазами.

– Если господин пожелает угостить, – с удо-

вольствием... и другого чего выпью.

– Пожалуйста, – сказал я.

– Позвольте напиросочку.

Я подал. Он закурил, насмешливо оглядывая удивленных женщин. В избе прошло негодующее шушуканье.

– А ты, видно, сосешь-таки? – язвительно спросила та же молодка.

– Сосу... по писанию. Разрешается.

– А в коем это писании, – научи-ко-сь.

Он докурил и через головы молодиц бросил папироску в лохань с водой.

– Еще кидатца, – с неудовольствием сказала хозяйка, возившаяся около самовара.

– Не кидай, озорной, пожару наделашь, – поддержала другая.

– Пожару? У вас поэтому из колодцев не выкидывало ли, огнем из печи не тушите ли?

– А ты што думаешь? Ноне все бывает. Ноне вон и попы табак жрут.

– Бывает, бывает. Ишь голос, что колокол. Тебе бы в певчие, в монастырь. Пойдем со мной.

Он потянулся к ней. Она ловко увернулась, изогнувшись красивым станом, между тем как другие бабы, смеясь и отплевываясь, вы-

бегали из избы.

– Н-ну и поп! – с наивным ужасом сказала худая бабенка, с детски-открытыми глазами. – Учи-и-тель!

– Он те научит.

– Научи-ко нас, – опять насмешливо сказала солдатка, выступая вперед и подпирая щеку полной рукой. – Научи такой заповеди, которая легка и милослива.

– Ну-ну! Мы за тебя до плеч воздохнем.

– И научу. А как тебя зовут, красавица?

– Зовут зовутицей, величают серой утицей.

Тебе на што?

– А ты вот что, серая утица. Достань нам водочки, – небось, вот они заплачат.

– Достать, что ли? Мы достанем.

Она вопросительно и лукаво посмотрела на меня.

– Пожалуй, немного, – сказал я.

Солдатка шмыгнула из избы. За ней, смеясь, хихикая и толкаясь, выбежало еще две-три женщины. Хозяйка с мрачным видом оставила на стол самовар и, не говоря ни слова, села на лавку и принялась за работу. С полатей, свесивши русые головы, глядели на

нас любопытные детские лица.

Солдатка, смеясь и запыхавшись, поставила на стол бутылку с какой-то зеленоватой жидкостью, и, отойдя от стола, насмешливо и вызывающе посмотрела на нас. Иван Иванович конфузливо кашлял, оставшиеся в избе безмужницы смотрели на нас с затаенным ожиданием. После первых рюмок недавний проповедник, подняв полы своей ряски, ходил, притопывая, вокруг серой утицы, которая змеей извивалась, уклоняясь от его любезностей.

– Поди ты! – отмахнулась она и, кинув на меня задорно-вызывающий взгляд, подошла к столу.

– А ты что же сам-то не пьешь? Гляди на них, – они, пожалуй, и все вылакают. Испей-ко-сь.

Улыбаясь и играя плечами, она налила рюмку и поднесла мне.

– Не пейте... – вдруг раздался совсем неожиданно зловецкий голос из-за окна, и из темноты появилось скуластое лицо Андрея Ивановича.

– Водки не пейте, я вам говорю! – прогово-

рил он еще мрачнее и опять исчез в темноте.

Рюмка у солдатки дрогнула и расплескалась. Она глядела в окно испуганными глазами.

– С нами крестная сила, – что это такое?

Всем стало неловко. Водка приходила к концу, и вопрос состоял в том, потребуем ли мы еще и развернемся окончательно, или на этом кончим. Иван Иванович посмотрел на меня с робкой тоской, но у меня не было ни малейшего желания продолжать этот пир. Автономов сразу понял это.

– Действительно, не пора ли в путь, – сказал он, подходя к окну.

– Чать, на дворе-те дождик, – произнесла солдатка, глядя как-то в сторону.

– Нет. Облака порядочные... да, видно, сухие... Собирайся, Иван Иванович.

Мы стали собираться. Первым вышел Иван Иванович. Когда, за ним, я тоже спустился в темный крытый двор, – он тихо сказал, взяв меня за руку:

– А тот-то, долговязый. Вон у ворот дожидается.

Я действительно разглядел Андрея Ивано-

вича у калитки. Автономов с котомкой и своим посохом вышел на крыльцо, держа за руку солдатку. Обе фигуры виднелись в освещенных дверях. Солдатка не отнимала руки.

– Только от вас и было? – говорила она разочарованно. – Мы думали – разгуляетесь.

– погоди, в другой раз пойду, – разбогатею.

Она посмотрела на него и покачала головой.

– Где-поди! Не разбогатеть тебе. Так пропадешь, пусто...

– Ну, не каркай, ворона... Скажи лучше: дьячок Ириной все на погосте живет?

– Шуровской-то? Живет. Ноне на базар уехал. Тебе на што?

– Так. А... дочь у него была, Грунюшка.

– Взамуж она выдана.

– Далеко?

– В село в Воскресенское, за диаконом... Одна ноне старушка-те осталась.

– Ириной, говоришь, не возвращался?

– Не видали что-то.

– А живет богато?

– Ничего, ровненько живет.

– Ну, прощай!.. Эх ты, Глаша-а!

– Ну-ну! Не звони... Видно, хороша Глаша, да не ваша. Ступай ужо – нечего тут пона-
прасну.

В голосе деревенской красавицы слышалось ласковое сожаление.

За воротами темная фигура Андрея Ивановича, отделившись от калитки, примкнула к нам, между тем как Автономов обогнал нас и пошел молча вперед.

– Вы бы до утра сидели, – угрюмо сказал Андрей Иванович. – А я тут дожидайся!

– Напрасно, – ответил я холодно.

– Это как понимать? В каком смысле?

– Да просто: шли бы, если вам неприятно...

– Нет уж. Спасибо на добром слове, – я товарища покидать не согласен. Лучше сам пострадаю, а товарища не оставлю... Этак же в третьем годе Иван Анисимович. Ничего да ничего, выпивал да выпивал в хорошей компании...

– Ну и что же?

– Жилетку сняли, вот что!.. Денег три рубля двадцать... портмонет новый...

– Ежели вы это насчет нас с Геннадием намек имеете, – заговорил Иван Иванович, торо-

пясь и взволнованным голосом, – то это довольно подло. Это что же-с?.. Ежели у вас сомнение, – мы можем вперед или отстанем...

– Пожалуйста, не обращайтесь внимания, – сказал я, желая успокоить беднягу.

– Что такое? – спросил вдруг Автономов, остановившийся на дороге. – Из-за чего разговор?

– Да вот они все... сомневаются. Господи помилуй! Неужто мы какие-нибудь, прости господи, разбойники.

Геннадий взгляделся в темноте в лицо Андрея Ивановича.

– А! долговязый господин!.. Ну что ж! – сказал он сухо. – «Блажен, кто никому не верит и всех своим аршином мерит»... Дорога широкая...

И он опять быстро пошел вперед, а за ним побежал трусцой маленький товарищ. Андрей Иванович несколько секунд стоял на месте, ошеломленный тем, что странник ответил ему в рифму. Он было двинулся вдогонку, но я остановил его за руку.

– Что это вам нейдет, право! – сказал я с досадой.

– А вам хороших товарищей жалко? – сказал он язвительно... – Не беспокойтесь, пожалуйста. Сами далеко не уйдут...

И действительно, за последними избами на дороге зачернела фигура. Это был Иван Иванович, но один...

Он стоял посередине дороги, тяжело дышал и кашлял, держась за грудь.

– Что с вами? – спросил я с участием.

– Ох-хо! Смерть моя... Ушел... Геннадий-то... Не велит вместе идти... Велит с вами. Не успеваю за ним.

– Сделайте одолжение. А дорогу вы знаете?

– Дорога пока большая. Да он где-нибудь догонит...

Мы пошли в темноту... Назад твякнула собака; оглянувшись, я увидел в темноте два-три огня деревни, которая скоро скрылась из виду.

IV

Ночь была беззвездная, тихая. Горизонт еще выделялся где-то неясной чертой, блуждающей под облаками, но ниже клубилась лишь густая мгла, бесконечная, неопределенная, без форм и очертаний...

Мы довольно долго шли молча. Странник то и дело робко вздыхал и старался подавить кашель.

– Автономова-то не видно... – говорил он по временам и беспомощно вглядывался в темную ночь.

– Мы-то его не видим... Он нас видит, небось, – сказал Андрей Иванович зловеще и значительно.

Дорога казалась какой-то смутной полоской, точно мост, кинутый через пропасть... Все кругом было черно и смутно. Была или нет светлая полоска на горизонте? Теперь от нее нет и следов. Неужели так еще недавно мы были в шумной избе, среди смеха и говора?.. Будет ли конец этой ночи, этому полю? Подвинулись мы вперед, или это только дорога уходит у нас из-под ног, точно бесконечная

лента, а мы все толчемся на месте, в этом заколдованном клочке темноты? И невольная робкая радость зарождалась в душе, когда впереди начинал вдруг тихо журчать невидимый ручей, когда это журчание усиливалось и потом замирало сзади, за нами, или ветер, внезапно поднявшись, шевелил чуть заметные кусты ивняка в стороне от дороги и потом опадал, указывая, что мы их миновали...

– Ну, и ночка выдалась, – сказал Андрей Иванович, против своего обыкновения, тихо. – Дурак и тот, кого в такие ночи нелегкая носит по дорогам. И чего, спрашивается, нужно нам? Поработал день, отдохнул, чаю попил, богу помолился, – спать. Нет, не нравится, вишь... давай по дорогам шататься. Это нам благоприятнее. Ноне, вот уж полночи, а мы и лба не перекрестили. Молельщики!..

Я не ответил. В голове Андрея Ивановича, очевидно, продолжали тянуться покаянные мысли.

– Мало нас бабы учут, – сказал он мрачно... – Не живется нам дома. А чего бы, кажись, и надо...

– А что, Автономова-то не видно? – раздал-

ся опять тоскливый голос маленького странника.

– Нет, не видать, – буркнул Андрей Иванович.

– Беда моя, – сказал странник в глубокой тоске. – Бросил меня мой покровитель.

В его голосе было столько отчаяния, что мы оба невольно стали глядеть вперед, стараясь разыскать потерянного Автономова. Вдруг, довольно далеко в стороне, что-то стукнуло, – точно доска на дырявом мостике под чьей-то ногой.

– Там он! – сказал Андрей Иванович. – Влево пошел.

– Надо полагать, дорога повернула.

Действительно, невдалеке дорога раздвоилась. Мы тоже пошли влево. Иван Иванович вздохнул с облегчением.

– Да что ты сокрушаешься? – спросил Андрей Иванович. – Что он тебе, брат, что ли? Вот невидаль, с позволения сказать.

– Пуще брата. Без него должен пропасть: потому, собственно, просить не умею. А в нашем состоянии без этого – прямо погибель...

– Зачем же таскаешься?

Странник помолчал, как будто ему трудно было ответить на вопрос.

– Приюту ищу. Куда-нибудь в монастырь... С молодых лет приважен к монастырской жизни.

– Так и жил бы в монастыре.

– Слабость имею... – чуть слышно и застенчиво сказал Иван Иванович...

– Пьешь, небось, горькую...

– То-то вот. Испорчен с молодых лет.

– Порча!.. Все, небось, бес виноват...

– Бес, говорите... Оно конечно... Прежде, когда в народе крепость была... ему много работы было: который, например, скажем, подвижник неослабного житья... Въяве видели... И то подумайте, состязались все-таки... А ныне, слабость наша... Нынче такая в народе преклонность.

– Д-да... – согласился Андрей Иванович. – Нынче уж и нечистому много легче... Житье ему с нами, ей-богу. Лежи, миляга, на печке... Сами к тебе придем, друг друга приведем... Принимай только...

Странник глубоко вздохнул...

– Ах, как вы это верно говорите!.. – сказал

он печально. – Вот о себе скажу, – зашептал он, будто не желая, чтобы его слова слышал кто-то там, в темноте ночи, в стороне от дороги: – от кого погибаю? От родной матери да от отца-настоятеля.

– Ну-у? – изумился Андрей Иванович, тоже тихо.

– Верно!.. Грешно, конечно, родительницу-покойницу осуждать, царствие ей небесное (он снял шляпенку и перекрестился), а все думаю: отдай она меня в ремесло, – может, человек был бы, как и прочие... Нет. Легкого хлеба своему дитяти захотела, прости ее господи...

– Ну, ну? – поощрил Андрей Иванович.

– Именно-с... – продолжал Иван Иванович печально, – в прежние времена, пишут вот в книгах, родители всячески противились, отроки тайно в кельи уходили для подвига... А моя родительница сама своими руками меня в монастырь предоставила: может, дескать, даже во дьячки произойти.

– Так, так!

– А прежде, надо вам сказать, подлинно – было это, производили из монастырей во пса-

ломщики и далее... только к моему-то времени и отменили!

– Вот-те и чин!

– Да!.. Вот матушка опять: оставайся, когда так, в монастыре вовсе... Дескать, и то хлеб легкий. Притом и настоятель тебя любит... Ну, это правда: возлюбил меня отец-настоятель, к себе в послушники взял. Но только ежели человеку незадача, то счастье на несчастье обернется. Воистину скажу: не от дьявольского искушения-с... через ангела погибаю...

– Что ты говоришь! – удивился Андрей Иванович.

– Истинную правду... Настоятель у нас был добрейшей души человек, незлобивый, ну и притом строгой жизни... Ну, только имел тайную слабость: от времени до времени запивал. Тихо, благородно. Запрется от всех и пьет дня три и четыре. Не больше. И потом сразу бросит... Твердый был человек... Но однако... в таком своем состоянии... скучал. И потому призовет меня и говорит: «При скорби душе моя... Возьми, Ваня, подвиг послушания. Побудь ты, младенец невинный, со мною, окаян-

ным грешником». Ну, я, бывало, и сижу, слушаю, как он, в слабости своей, говорит с кем-то и плачет... Дело мое, конечно, слабое: когда не возмогу, и засну. Вот он раз и говорит: «Выпей, Ваня, для ободрения. – И налил рюмочку наливки... – Только, говорит, поклянись, что без меня никогда не станешь пить, ниже едина»...

– Вот оно что-о-о? – протянул Андрей Иванович многозначительно...

– Я, конечно, поклялся. И налил он мне рюмочку наливки... Так и пошло. Сначала понемножку, а потом... Отец-настоятель мощный был человек: сколько, бывало, ни пьет, все крепок. А я, известно... с трех-четырех рюмок – с ног долой... Спыхватился он и запретил мне великим прещением. Ну, да уж поздно. При нем не пью, а ключи-то от шкапа у меня... Стал я тайным образом потягивать... Дальше да больше... Уж иной раз и на ногах не стою. Он сначала думал, – это я от прежнего похмелья, по слабости своей, маюсь. Но однажды посмотрел на меня проницательно и говорит: «Ванюша... хочешь рюмочку?..» Я так затрясся весь от возжеления. Догадался он.

Взял посох, стреб меня за волосы и поучил с рассуждением... Здоровый был, боялся изувечить... Ну, это не помогло. Дальше да больше... Видит он, что я от его слабости погибаю... Призывает меня и говорит: «Прости ты меня, Ванюшка, но нужно тебе искуc пройти. Иначе погибнешь... Иди, постранствуй... Примешь горя, может, исцелишься. Я тут о тебе буду молиться... А через год, говорит, в это самое число приходи обратно... Приму тя, яко блудного сына...» Благословил. Заплакал. Призвал рufального... Это значит заведующего монашеской одежей... Велел снарядить меня на дорогу... Сам напутственный молебен отслужил... И пошел я, раб божий, августа 29-го, в день усекновения главы, на подвиг странствия...

Рассказчик опять замолчал, переводя дух и кашляя. Андрей Иванович участливо остановился, и мы втроем стояли на темной дороге. Наконец Иван Иванович отдышался, и мы опять тронулись дальше...

– Вот и ходил я лето и зиму. Тяжело было, горя принял – и-и! в разные монастыри толкался. Где я не ко двору, где и мне не по ха-

рактеру. Наш монастырь – штатный, богатый, привык я к сладкой жизни. А после-то уж в штатный не принимали, а в общежительном, Кирилло-Новоезерском, и приняли, так и самому черно показалось: чаю мало, табачку и вовсе нет; монахи – одни мужики... Послушание тяжелое, работа черная...

– А ведь это не любо, после легкой жизни, – сказал Андрей Иванович.

– Истинно говорю: не под силу вовсе, – смиренно вздохнул Иван, Иванович. – Бремена неудобносимые... Притом и святость в черном виде. Благолепия нет... Народу много, а на клиросе петь некому... Истинно козлогласование одно...

– А тут-то вот святость и есть! – сказал Андрей Иванович с убеждением.

– Нет, позвольте вам сказать, – не менее убежденно возразил Иван Иванович, – это вы не так говорите... Монастырское благолепие не в том-с... Монах должен быть истонченный, головка у него, что былинка на стебельке... еле держится... Это есть украшение обители... Ну, таких малое число. А рядовой монах бывает гладкий, с лица чистый, голос бар-

хатный. Таких и благодетели и женский пол уважают. А мужику, позвольте сказать, ни в коем звании почета нет.

– Ну, ладно... Что же дальше-то? – сказал Андрей Иванович, немного сбитый с толку уверенным заявлением компетентного человека.

– Да что дальше! – с грустью сказал странник... – Ходил я год. Отощал, обносился... Пуще всего страдаю от совести, просить не умею... Ждал, ждал этого срока, – вот домой, вот домой, в свою келийку. Про отца-настоятеля уж именно как про отца родного вспоминал, за любовь за его. Наконец, как раз августа 29-го прихожу. Вхожу, знаете, во двор, и что-то у меня сердце смущается. Идут по двору служки наши монастырские... Узнали... «Что, мол, вернулся, странниче Иоанне?» – «Вернулся, говорю. Жив ли благодетель мой?..» – «Опоздал ты, – говорят, – благодетеля давно схоронили. Сподобился: с воскресным трапарем отыде. Вспоминал про тебя, плакал... хотел наградить... А теперь новый настоятель... Варвар. И не являйся». А что, – опять спохватился он тревожно, – Автономо-

ва-то не видно?

И в его голосе слышались испуг и тоска.

Андрей Иванович взгляделся в темноту и вдруг, схватив меня за руку, сказал:

– Постойте, не туда пошли мы...

– Что такое?

– Да уж верно я говорю: не туда!.. Подождите меня... Я сбегая, посмотрю...

И он быстро исчез в темноте. Мы с Иваном Ивановичем остались одни на дороге. Когда шаги сапожника стихли, слышался только тихий шорох ночи. Где-то шелестела трава, по временам коростель хрипло «дергал», тревожно перебегая с места на место. Где-то еще, очень далеко, мечтательно звенели и ухали в болоте лягушки. Тучи, чуть видные, тянулись в вышине.

– Вот... любит мой товарищ ходить по ночам, – жалобно произнес Иван Иванович. – А что хорошего? То ли дело днем?

– А он тоже в монастыре был?

– Бывал, – ответил Иван Иванович и потом прибавил со вздохом: – Из хорошей семьи – отец диаконом был в городе N-м. Может, слышали... Брат письмоводителем в полицейском

правления, невеста была сосватана...

– Отчего же не женился?

– Видите ли... Он уж в это время сбился с пути... был в бегах... Ну, только еще не на странническом положении. Одежонка была, не обносился... И выдал себя будто за жениха. Приняли; девица взирала благосклонно, отец дьячок тоже не препятствовал... Ох... хо... Грех, конечно... обманул... Как начнет иной раз рассказывать, заплачешь, а другой раз смешно-с...

С Иваном Ивановичем случилось что-то странное. Он прыснул и стал как-то захлебываться, закрывая рукою рот... Сначала трудно было разобрать, что это смех. Но это был действительно смех... истерический, застенчивый, какими-то взрывами, который перешел в приступ кашля... Успокоившись, Иван Иванович прибавил с полусожалением:

– Только рассказывает каждый раз по-иному-с... Не поймешь: не то правда... не то...

– Не то врет?

– Не то, чтобы... А только не вполне достоверно... Есть, видно, и правда...

– Что же именно он рассказывает?

– Видите ли... Дьячок-то, говорит, хитрый. Видит, что молодой человек проводит время, а между тем настоящего дела не предпринимает, он, – под видом базару, – поехал в город, а в дому старушку-бабушку оставил, приказал строго-настрою с глаз не спускать. Автономов не у них, конечно, жил... На селе у просвирни... Ну в гости захаживал. Каждодневно... На бережку сиживали... И бабушка тут... Да где же, конечно, уследить... Молодежь... Только раз, видит мой Автономов, едут из города двое в телеге... и пьяные притом. Подъехали, глядь, а это дьячок да с братом с Автономовым старшим, с письмоводителем. Не успел он и оглянуться, – уж они на него навалились, давай тузить. Понятное дело: брат обижается за побег из семинарии, дьячок – за обманутие и бесчестие...

Иван Иванович вздохнул.

– Еле жив тогда остался, говорит... Потому что ожесточившись и притом пьяные... Бросился к просвирне, схватил котомку, да в лес... С тех пор, говорит, и пошел странствовать... Ну, другой раз, действительно... иначе рассказывает...

Он подошел ко мне и, приподнявшись на цыпочки, хотел сказать что-то особенно конфиденциальное... Но вдруг около нас, прямо из темноты, вынырнула фигура Андрея Ивановича. Он подошел быстро с нарочито злоеющим видом.

– Подите-ка сюда. – Он отвел меня в сторону и сказал тихо:

– Попали мы с вами в дело!

– Что такое?

– Автономов-то этот... Монах... На воровство, кажется, пошел... Будет нам в чужом пире похмелье...

– Полноте, Андрей Иванович.

– Вот вам и полно. Слыхали вы, как он в селе допрашивал? У солдатки-то? Про дьячка-то? Дескать, дьячок дома ли, или уехал?

– Ну, помню.

– А где этот дьячок-то живет, помните?

– На погосте, кажется.

– Самый погост! – сказал Андрей Иванович злорадно, махнув рукой вперед, в темноту.

– Ну, так что же?

– А то, что... Старуха, слыхали вы, одна осталась... А он уж тут, как тут... Ходит кругом

двора, высматривает. Сами увидите... Вот вы на кого товарища давнего променять согласны... Кабы на мостике да не доска под ним скрипнула – мы бы тогда и пошли дальше дорогой... А уж это я своротил... Пойдем, пойдем тихонько...

Сзади кто-то жалобно кашлянул. Андрей Иванович оглянулся и сказал:

– Ну, иди и ты с нами, настоящий послушник... Что с тобой делать. Полюбуйся на товарища...

Пройдя через мостик, мы поднялись круто по дорожке и подошли к погосту. На пригорке из-за листвы ровно светил огонек... Я разглядел чуть белевшие стены небольшого домика, выдвинувшегося на край обрыва, и из-за его, крыши грузно вырезались темные очертания колокольни. Вправо, внизу, скорее можно было угадать, чем увидеть речку.

– Вот он, – сказал Андрей Иванович. – Видите? Невдалеке от нас, между палисадником и обрывом, около беседки, обвитой зеленью, мелькнула фигура. Человек точно прилипал и жался к забору, заглядывая через кусты. На фоне светлого окна, в глубине садика, я уви-

дел острую мурмолку, вытянутую шею и характерный профиль Автономова. Свет рассыпался по листьям кустов и по цветам сирени. Подойдя несколько ближе, я разглядел в окне голову старухи, в чепце и роговых очках. Голова покачивалась, как у человека, работающего от бессонницы, и спицы проворно бежали в руках. Старуха, вероятно, ждала возвращения хозяина.

Вдруг она насторожилась... Из темноты послышался нерешительный оклик:

– Олимпиада Николаевна!

Старушка наклонилась к окну, но никого не было видно. Прошла минута в молчании, и опять из темноты раздался тот же оклик:

– Олимпиада Николаевна!

Я не узнавал теперь голоса Автономова. Он звучал мягко и робко.

– Кто тут? – встрепенулась вдруг старуха. – Кто меня зовет?..

– Я это... Автономова не припомните ли?.. Когда-то были знакомы...

– Какого тебе, батюшка, Автономова... Нет у нас такого... Не знаю я... Я, батюшка, сейчас людей позову. Федосья, а Федосья!.. Беги сю-

да...

– Не зовите, матушка... я вас не побеспокою... Неужто Автономова забыли?.. Генашей звали когда-то...

Старуха поднялась с места и, взяв свечу, высунулась с нею из окна. Ветра не было. Пламя стояло ровно, освещая кусты, стены дома и морщинистое лицо старухи с очками, поднятыми на лоб...

– Голос-то будто знакомый... Да где ж ты это?.. Покажись, когда добрый человек...

Она подняла свечу над головой, и луч света упал, на Автономова. Старуха сначала отшатнулась, но... В это время дверь открылась, и в комнату вошла другая женщина. Старуха ободрилась и опять осветила Автономова...

– Хорош, – сказала она безжалостно... – Женишок, нечего сказать... Зачем же это ты тут под окнами шатаешься?..

– Мимоходом, Олимпиада Николаевна...

– Мимоходом, так и шел бы мимо... Смотри, хозяин вернется, собак спустит.

Она захлопнула окно и спустила занавеску... Кусты сразу погасли... Фигура Автономова исчезла в темноте.

Нам тоже не мешало подумать об отступлении, и мы быстро спустились с пригорка... Через несколько минут с колокольни послышались удары... Кто-то, по-видимому, хотел показать, что на погосте есть люди...

Андрей Иванович шел молча и в раздумье. Иван Иванович бежал, задыхаясь, вприпрыжку и сдерживая приступы кашля... Когда мы удалились на порядочное расстояние, он остановился и опять произнес с невыразимой тоской:

– Автономова-то потеряли...

В его голосе слышалось такое отчаяние, что мы с Андреем Ивановичем приняли в нем невольное участие и, остановившись на дороге, стали тоже вглядываться в темноту.

– Идет, – сказал Андрей Иванович, обладавший чисто рысьими глазами...

И действительно, вскоре сзади на нас стала надвигаться странная фигура, точно движущийся куст. За поясом, на плечах и в руках у Автономова были целые пучки сирени, и даже мурмолка вся была утыкана цветами. Поровнявшись с нами, он не задержался и не выразил ни радости, ни удивления. Он шел

дальше по дороге, и ветки странно качались кругом него на ходу.

– Хорошо идти ночью, синьор, – заговорил он напыщенно, точно актер. – Поля одеты мраком... А вот в сторонке и роща... Смотрите, что за покой за такой! И соловей заводит песню...

Он говорил, точно декламируя, но в его голосе все-таки слышались ноты растроганности...

– Не угодно ли, синьор, ветку из моего садика?..

И театральным жестом он протянул мне ветку сирени...

В стороне от дороги робко и нерешительно щелкнул соловей. Откуда-то издалека, в ответ на звон с погоста, медленно понесся ответный звон и звуки трещотки... Где-то на темной равнине лаяли собаки... Ночь сгустилась, начинало пахнуть дождем...

– Жаль, – развязно заговорил вдруг Автономов. – Я вот тут отлучался, к погосту... Знакомый у меня на этом погосте живет, приятель... Был бы дома – всем нам был бы ночлег и угощение... Старуха звала ночевать... да

что... без хозяина...

Иван Иванович поперхнулся. Сапожник иронически фыркнул...

Автономов, вероятно, догадался, что мы видели несколько больше, чем он думает, и, обратясь ко мне, сказал:

– Не судите, синьор, да не судимы будете... Чужая душа, синьор, потемки... Когда-нибудь, – прибавил он решительно, – поверьте, я все-таки побываю в этом месте... И буду принят... И тогда...

– Что же тогда?

– Ах... было бы только чем угостить... Напьемся мы тут до потери образа... И учиню я тогда над ним безобразие...

– А это зачем?

– Так! Сравнялось бы для меня это место с другими. А то все еще, синьор, за душу тянет... Прошрое-с...

И он пошел вперед быстрее...

Мы миновали стороной небольшую деревнюшку и поровнялись с последней избой. Маленькие окна слепо глядели в темное поле... В избе все спали...

Автономов вдруг направился к окну и рез-

ко постучал в раму... За стеклом неясно мелькнуло чье-то лицо.

– Кто там? – послышался глухой голос, и испуганное лицо прилипло изнутри к оконнице... – Кого по ночам носит?

– Ши-ши-и-и-га, – крикнул Автономов протяжно, резко и зловеще и наклонил к окну голову, убрannую ветками... Лицо за окном испуганно исчезло... На деревне залаяли собаки, сторож застучал в трещотку, темный простор, казалось, робко насторожился... И опять где-то, невидимые во мгле, заговорили протяжными звонами спящие церкви, как будто защищая мирный простор от чего-то неведомого и зловещего. Точно зачуяв, что где-то над ними проносятся с угрозой чьи-то темные, чьи-то безнадежно-испорченные жизни...

VI

Более часу мы шли опять темными полями. Усталость брала свое; не хотелось ни говорить, ни слушать. Вначале я еще думал и старался представить себе в этой тьме физиономии моих спутников. Это удавалось относительно Андрея Ивановича, которого я знал хорошо, и относительно маленького странника, но физиономию Автономова я забыл и, глядя теперь на его темную фигуру, не мог восстановить его лица... Автономов у дьячковой избы и вчерашний проповедник казались мне двумя различными людьми.

Потом мысли мои все более путались; несколько дней уже на ногах... глухая ночь, тишина, тяжелая перепаханная дорога, или, вернее, бездорожье, – все это сказалось сильной усталостью, и я стал забываться на ходу. Это было какое-то полусознание, допускавшее фантастические грезы, которые витали в бесформенной тьме, странно переплетаясь с действительностью. А действительность для меня вся была темная муть и три туманные фигуры, то остававшиеся позади, то обгоняв-

шие меня на дороге... Я следовал за ними совершенно почти бессознательно.

Когда я как-то очнулся – они стояли на дороге и о чем-то спорили.

– Разуй глаза-то, – говорил сапожник сердито, но вяло.

– Спасибо, что вразумили, – я бы и не догадался, – ответил странник. – Не знаете ли уж кстати, синьор, как отсюда выйти на дорогу?..

Я лениво взгляделся в темноту. Громадный черный ветряк поднял над нами крылья, терявшиеся где-то высоко в облаках; за ним по бокам, назад, виднелись другие. Казалось, все поле усеяно мельничными крыльями, поднятыми кверху с безмолвной угрозой...

– Всю ночь теперь проплутал из-за этого дьявола, – со злостью сказал Андрей Иванович.

– Ну-ко, помолчите маленько, долговязый синьор, – сказал Автономов. – Слышите?

– Толчя, что ли?.. – сказал Андрей Иванович вопросительно...

– Верно, – ответил Автономов весело. – Колеса это работают. Эх, и речушка же резвая!

– Далеко это?..

– По дороге далеко. А мы напрямиком.

– В болото, смотри, заведешь, дьявол...

Ноги опять несли меня куда-то в темноту за тремя темными фигурами. Я спотыкался на пашне или по кочкам, меня кидало то вперед, то в стороны... Если бы на пути встретился овраг или река – я, вероятно, очнулся бы только на дне... По временам странные обрывки сновидений вспархивали и улетали из головы в неопределенную мглу...

Наконец меня перестало кидать по кочкам. Под ногами чувствовалась ровная дорога, а в ушах ровный, приятный шум. Вода струилась, звенела, бежала куда-то, плескалась и бурлила, рассказывая о чем-то занимательном, но слишком смутном... потом шум остался позади, но вдруг он стал сильнее, как будто вода прорвала плотину... Я совсем очнулся и оглянулся с удивлением... Сзади меня догнал Андрей Иванович и, взяв за руку, потащил вперед...

– Проснитесь... будет вам спать-то на ходу... Вот связались мы с дьяволом, прости господи!.. Выскочат мужики, шеи нам наломают... Скорее, скорее... Вишь, Иван-то Иваныч

дерет, ряску подобрал...

Действительно, маленький странник пробежал мимо нас с удивившей меня быстротой...

– Сюда... сюда...

Не отдавая себе еще полного отчета в происходящем, я очутился под прикрытием густых ветл на берегу речки. Рядом Иван Иванович тяжело переводил дух... Автономова не было. Невдалеке мельница точно взбесилась. Вода ревела и бурлила в открытые шлюзы. Одно колесо тяжело ворочалось по-прежнему, другое, вероятно, удержанное запором, трещало и стонало под ударами воды... Цепная собака рвалась на цепи и выла от злости...

В мельнице вспыхнуло оконце, точно она проснулась и открыла глаз. Скрипнула дверь, и старый мельник, в белой рубаше и портах, вышел с фонарем на помост. За ним, почесываясь и зевая, показался другой.

– Плотину, что ли, прорвало? – сказал он.

– Где прорвало, – слышь, в шлюзах шумит, не сломало ли затворы... Неладно, гляди... Ах, батюшки...

– Гляди-ка: ведь поднято.

– Что ты! Кому подымать?

Мужики подошли к шлюзам. Вскоре шум затих: они опустили оба затвора, и мельница смолкла. Огонь фонаря тихо прополз назад по плотине и опять исчез. И вдруг резко загрела трещотка. Один мужик, очевидно, остался караулить...

Необычный шум на мельнице, разносясь по полям, опять будил спящие деревни. Казалось даже удивительным, сколько их засело в этой темноте. С разных сторон, спереди, сзади, даже откуда-то снизу, они отвечали на тревогу стуком досок и трещоток. Из дальнего села или с погоста опять неся медленный звон. Невдалеке крикнула какая-то ночная птица.

– Пойдем, – сказал Андрей Иванович, когда около мельницы все стихло... – Вот из-за одного подлеца сколько тревоги народу.

– Что это случилось? – спросил я.

– Спросите вот у него, – со злостью сказал сапожник, указывая на Ивана Ивановича.

– Что же-с, – грустно ответил странник. – Конечно, озорство... Я этого не похвалю...

– Да в чем дело? Где Автономов?

– Вот он – по-птичьи кричит, признак нам подает... Сюда, дескать, идите, милые мои товарищи... И как он, подлец, шлюзу успел открыть, – я и не заметил. А вы тоже!.. Идете за ним да спите. Пospали бы еще... Выскочили бы мужики раньше, – были бы у праздника. Н-ну! Догоню подлеца, уж вы и не заступайтесь. Наизнанку каналью выверну, ноги через глотку продену!..

И он решительно двинулся вперед.

VII

Однако Андрей Иванович не привел в исполнение своих свирепых намерений, и через полчаса мы опять молча шагали по дороге... Солнце еще не всходило, но белые молочные тоны все больше просачивались сверху, сквозь облака, а внизу под нашими ногами на далекое расстояние волновался беловатый туман, покрывший обширную равнину. Из этого тумана вынырнула лошадиная морда, потом обозначилась телега с мешками, на которых спал мужик, и за ней другая, порожняя.

– Дядя, а дядя... – сказал Андрей Иванович заднему мужику, – не подвезешь ли нас?

Мужик протер заспанные глаза и с удивлением оглядывал обступившую его компанию.

– Откеда бог несет?

– С богомолья.

– Ну, ну. Садитесь, – да ведь недалече подвезу я, мы ближние.

– Не с мельницы ли?

– Они вот были на мельнице, а я, вишь, порожнем. Садитесь, что ли.

Мы уселись по сторонам телеги, свесив ноги.

– А дозвольте спросить, – сказал наш возница, нахлестав лошаденку, – вы всю ночь, что ли, идете?

– Всю ночь.

– Ничего не слышали ночьюю?

– Собаки что-то лаяли, да только далеко. А что?

– Так! На мельнице, слышь, затворы ночьюю подняло. Колеса чуть не поломало вовсе.

– Кто поднял?

– Понимай! Кто ночьюю-то у омутов озорует?.. У нас в деревнюшке по суседству, сказывают, на ночлег просился. Мужик выглянул, а он и говорит: шишига[3] я, пусти.

– Бывает, – сказал Автономов, давно сбросивший свои украшения...

– Никогда этого не бывает... Не поверю ни в жизнь... И тебе не приказываю верить, – горячо и решительно сказал мужику Андрей Иванович... – Обманывают вас, деревенских, прохвосты разные... Простота ваша...

– Бывают которые и в бога и во святых не веруют, – сказал Автономов в высшей степени

поучительно и хладнокровно.

Андрей Иванович скрипнул зубами и незаметно для мужика показал Автономову кулак.

VIII

Около полудня на такой же случайно встреченной под самым городом мужицкой телеге мы подъехали к моей квартире. Телега остановилась у ворот. Наша живописная компания обратила внимание нескольких прохожих, что, видимо, стесняло Андрея Ивановича... Я пригласил своих товарищей отдохнуть у меня и выпить чаю.

– Спасибо, до дому недалече, – холодно ответил сапожник, вскидывая за плечо котомку, и потом спросил бесцеремонно, ткнув пальцем по направлению Автономова:

– И этого тоже зовете?

– Да, прошу и Геннадия Сергеевича, – ответил я.

Андрей Иванович круто повернулся и, не прощаясь, зашагал по улице.

Иван Иванович имел отчаянно испуганный вид, точно мое приглашение захлопнуло его, как западня птицу. Он смотрел умоляющим взглядом на Автономова, и стыд собственного существования мучительно сказывался во всей фигуре. Автономов спросил про-

сто:

– Куда итти-то?..

Пока ставили самовар, я попросил домашних собрать сколько было лишней одежды и белья и предложил моим спутникам переодеться. Автономов легко согласился, свернул все в один узел и сказал:

– Потому надо в баню...

Я, разумеется, не возражал. Из бани оба странника вернулись преображенными. Иван Иванович в слишком широком пиджаке и слишком длинных брюках, со своими жидкими косицами, удивительно походил на переодетую женщину. Что касается Автомова, то он не удовольствовался необходимым количеством одежды, а надел все, что было предложено для выбора. Таким образом на нем оказалась синяя косоворотка, блуза, два жилета и пиджак. Косоворотка виднелась над воротом блузы и внизу, так как она была длиннее. Над нею выступали края блузы, а пиджак составлял как бы третий ярус... За чайным столом. Иван Иванович страдал до такой степени, что из жалости мы разрешили ему удалиться со своей чашкой в кухню, где

он уселся в уголку и немедленно приобрел жалостные симпатии нашей кухарки. Автономов держался развязно, называл мою мать синьорой и схватывался с места при всяком случае, чтобы чем-нибудь услужить...

После чаю он самодовольно огляделся с ног до головы в зеркало и сказал:

– В эдаком костюме зять мною не пренебрежет... Пойду навестить сестру... Она тут живет недалечко. Котомочку позвольте, синьора, оставить у вас в передней.

Когда он шел через двор к воротам, за ним испуганно выбежал Иван Иванович. После короткого разговора Автономов позволил бедняге следовать за ним на некотором расстоянии.

Через короткое время Иван Иванович вернулся один. Птичье лицо его сияло изумлением и восторгом.

– Приняли-с, – сказал он, радостно захлебываясь. – Истинная правда-с. Действительно-с... сестра, настоящая. И зять... Может, угодно вам самим пройти, будто ненарочно... Сами увидите-с... Истинный бог: в палисадничке сидят... Угощают... по-родственному. Сестра

плачет от радости...

И из груди маленького странника понеслись странные звуки, похожие и на истерический смех и на плач!

Через час явился и Автономов, преображенный и торжественный. Подойдя ко мне, он горячо схватил мою руку и до боли сжал ее...

– Через вас я приобрел опять родных... Кажется... то есть вот! До гроба...

Он еще крепче сжал мою руку, потом судорожно отбросил ее и отвернулся. Оказалось, что, поверив преобращению Автонома, зять, человек не без влияния в консистории, решил хлопотать о нем. Оставалось только добыть из Углича какие-то бумаги и...

– И сюда, обратно! Кончено странствие, синьор... И тебя, Ваня, не оставлю... Получишь у меня угол и пищу... Живи... Я в должность... Ты уберешь квартиру, то... другое...

Я слушал эти разговоры, и невольное сомнение закрадывалось в душу, тем более, что Автономов опять вернулся к высокопарному стилю и все чаще употреблял слово синьор...

Перед вечером оба ушли «в Углич, за бума-

гами». Автономов дал торжественное обещание явиться через неделю «для начатия новой жизни»...

«Неужто для этого «чуда» нужно было так немного?» – с большим сомнением думал я...

IX

Погода круто изменилась... Чудесная ранняя весна, казалось, сменилась вдруг поздней холодной осенью... Дождь лил целые дни, и ветер метался среди ливня и туманов.

В одно такое холодное утро, проснувшись довольно поздно и стараясь сообразить время, я услышал легкую возню и странный писк в сенях у дверей. Открыв их, я увидел в темном углу что-то живое. Увы! это был Иван Иванович. Он весь издрог, посинел и смотрел на меня умоляющими, робкими глазами. Так смотрит только запуганное и близкое к гибели животное.

– Слабость опять? – спросил я кратко.

– Слабость, – ответил он покорно и кротко, стараясь запахнуться. На нем была опять невозможная хламида, голова была не покрыта, а на ногах лапти на босу ногу...

Вскоре явился и Автономов. Он был пьян и неприятно развязен. Говорил изысканными высокопарными оборотами, держался, как давний приятель, и по временам в воспоминания о наших похождениях вставлял пи-

кантные намеки относительно некоей солдатки... В глазах проступало злое страдание, по которому я опять узнавал оратора монастырского двора, и готовность на злые дерзости. О визите к сестре не было и речи...

– Послушай... Любезная... – обратился он к прислуге. – Тот раз я тут у вас оставил хламидку... Хламидка еще годится... Несчастлив ваш подарок, – прибавил он, нагло глядя на меня. – Под Угличем ограбили нас... все как есть сняли. А валенками вас, видно, надул торговец... Кислый товар, кислый... Все развалились...

И он снисходительно потрепал меня по плечу...

Иван Иванович с жалобной укоризной смотрел на своего покровителя. Расстались мы довольно холодно, и только на Ивана Ивановича все у нас смотрели с искренним сочувствием и жалостью...

После этого от времени до времени я получал известия о своих случайных спутниках. Приносили их по большей части люди в хламидах и подрясниках и с более или менее явственными признаками «слабости», переда-

вали поклоны или записки и, получив малую мзду, выражали разочарование. Однажды во время ярмарки ввалился субъект, совершенно пьяный, очень зловещего вида, который подал записку с такой таинственной фамильярностью, точно она была от нашего общего друга и сообщника.

В записке была нацарапано очень нетвердым и неровным почерком:

«Милый друг. Прими сего подателя, яко меня лично. Он наш и может тебе все рассказать, а между прочим помощи деньгами и одеждой. Наипаче бедствует брюками... Геннадий Автономов».

Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться, что посланный действительно брюками бедствовал очень сильно... Но, несмотря на опьянение, глаза его быстро и пытливо, очевидно, по профессиональной привычке, изучали обстановку моей квартиры...

При удалении его произошел некоторый неприятный шум, и пришлось прибегнуть к помощи добрых соседей...

Х

Года через два я опять встретил моих бывших спутников.

В жаркий летний день я переехал на пароме через Волгу, и пара лошадей потащила нас береговыми песками к въезду на гору. Солнце садилось, но было еще невыносимо жарко. Казалось, даже от сверкающей реки неслись целые волны зноя. Оводы тучей носились над лошадьми, колокольчик бился неровно, колеса шуршали в глубоком песке... Сверху, в полугоре, окруженный зеленью монастырь глядел на реку из-за реющего тумана и казался парящим в воздухе.

Вдруг ямщик остановил у самого подъема усталую тройку и побежал по берегу. В четверти версты от нас, на обресе, усеянном галькой и камнями, грузно чернела, прямо на солнцепеке, группа людей.

– Происшествие какое-нибудь, – сказал мой товарищ. Я вышел из телеги и пошел туда же.

На пустом берегу, в который лениво плескалась река, оказалось мертвое тело. Подойдя

ближе, я узнал в нем моего знакомого: маленький странник лежал в своей ряске, грудью на песке, с раскинутыми руками и неестественно повернутой головой. Он был смертельно бледен, черные косицы слиплись на лбу и на висках, а рот полуоткрылся. Мне невольно вспомнилось это лицо, оживленное детским восторгом от пения пташки на холмике. Сам он, с своим длинным, заострившимся носом и раскрытым ртом, удивительно напоминал теперь замученную и раздавленную птицу.

Автономов сидел над ним, покачиваясь, и в его взгляде виднелся испуг. Явственный винный запах стоял в воздухе...

Окинув взглядом подошедших людей и не узнав меня, он вдруг затормозил лежащее тело.

– Вставай, товарищ, пора в путь... Участь странника – вечное странствование.

Он говорил опять напыщенным тоном и нетвердо поднялся...

– Не хочешь?.. Смотри, Ваня, брошу! Уйду один...

Староста, с медалью на груди, спешно по-

дошедший к группе, положил ему руку на плечо.

– Погоди уходить... Протокол надо составить... Что за люди...

Автономов с иронической покорностью снял свою мурмолку и отвесил поклон.

– Сделайте одолжение, ваше сельское пре-восходительство...

Сверху послышался удар колокола. В монастыре призывали к вечерней молитве. Удар прозвенел, всколыхнул жаркий воздух, пронесся поверх кудрявых верхушек дубов и осокорей, лепившихся по склонам, и, замирая уже, коснулся сонной реки. На мгновение звук опять окреп, ложась на воду, и, казалось, чуткое ухо ловит его полет к другому берегу, к синеющим и подернутым мглою лугам.

Все сняли шапки. Только Автономов повернул голову на звон и погрозил кверху кулаком.

– Слышишь, Ваня, – сказал он, – зовет тебя отец-настоятель... Благодетель твой... Теперь, чай, примет...

Удар за ударом, густо и часто, звеня и колыхаясь, падал сверху на реку торжественно

И СПОКОЙНО...

1889

Примечания

Рассказ написан в 1889 году и тогда же напечатан в газете «Русские ведомости» (№№ 224, 229, 233, 236). Материал для рассказа почерпнут писателем из его летних путешествий, которые он неоднократно совершал в нижегородский период своей жизни. В связи с этим рассказом Короленко в июне 1889 года писал жене: «Вернулся с жестокими мозолями, даже немного припухли ноги, – но зато привел с собой такого странника – отдай все за него и то мало (что я, между прочим, отчасти и сделал, т. е. отдал кое-какие принадлежности костюма, – свои и Перца). Представь себе нестарого еще (36 л.) философа семинарии, который вот уже одиннадцать лет странствует по всяким св. местам, побуждаемый к тому «беспокойным духом». Впрочем, прочтешь об этой интересной личности в «Русских ведомостях».

В рассказе «Птицы небесные» получает свое дальнейшее развитие образ Андрея Ивановича, уже известного читателю по рассказу «За иконой».

Примечания

Подобно пророку Ионе, они ропщут... – в Библии в книге пророка Ионы рассказывается, как Иона возроптал на бога за то, что тот не выполнил своего решения покарать Ниневию за совершенные жителями ее злодеяния после того, как они раскаялись и «отвратились от злого пути своего».

[^^^]

2

Тень Банко – из трагедии Шекспира «Макбет».

[^^^]

3

Шишига – нечистая сила, домовый.

[^^^]